

НОВѢЙШІЯ ТЕЧЕНІЯ КАТОЛИЧЕСКОЙ СОЦІАЛЬНОЙ МЫСЛИ ВО ФРАНЦІИ

Основные пункты католической соціальной доктрины, получившіе за послѣднее время широкое распространеніе, какъ и посланія покойнаго папы Пія XI противъ тоталитарныхъ идеологій «современнаго язычества», достаточно извѣстны читателю, чтобы не нуждаться въ новомъ изложеніи.

Менѣе извѣстны, быть можетъ, спеціальныя развитія и конкретныя приложенія, которыя католическая соціальная доктрина получила за истекшіе годы. Это развитіе особенно интересно во Франціи, гдѣ многочисленныя «экипы» религіозныхъ мыслителей, соціологовъ, экономистовъ и общественныхъ дѣятелей выполнили огромную работу.

Можетъ быть самымъ значительнымъ изъ недавнихъ достижений — это именно фактъ **конкретизаціи** религіозныхъ исканій на соціальномъ поприщѣ. До сихъ поръ, невѣрующіе или инако вѣрующіе часто ссылались на то, что духъ соціальныхъ энцикликъ и посланій, какъ бы онъ ни былъ преисполненъ добрыми намѣреніями, остается духомъ **отвлеченнымъ**, не примѣнимымъ къ жизни. Христіане могутъ справедливо считать себя «техниками личнаго спасенія»*), но имъ нѣтъ мѣста въ великомъ спорѣ классовъ и народовъ. Быть можетъ, эта критика въ нѣкоторомъ смыслѣ и подѣйствовала на религіозно настроенные круги французской интеллигенціи. Оставивъ временно въ сторонѣ метафизическіе споры и соображенія отвлеченной соціальной этики, они обратились къ изученію конкретныхъ вопросовъ: что представляетъ изъ себя Франція, французскій народъ въ своей совокупности? какова національная почва, на которой можно строить «новый порядокъ»? Что представляютъ изъ себя тоталитарныя доктрины, — марксизмъ, національ-соціализмъ, и связанныя съ ними «динамическія» ученія, и что можно имъ противопоставить?

На первый вопрос: что такое Франція? — представители католической социальной мысли отвѣтили: Франція — это демократія, т. е. общество, воспитанное на принципахъ духовной свободы и защиты человѣческой личности. Именно теперь, въ борьбѣ съ тоталитарными идеологіями, церковь сама встала на защиту этихъ цѣнностей. Вотъ почему въ началѣ года кардиналъ Вердье, архіепископъ парижскій, заявилъ на своемъ докладѣ, что нынѣ «церковь и Франція вмѣстѣ отстаиваютъ самые высокіе принципы моральнаго наслѣдія человечества, я хочу сказать: достоинство человѣческой личности и святое право свободы... Церковь, великія демократіи, Франція и ея имперія, являются сегодня въ мірѣ защитниками христіанскаго порядка».

Можно говорить о нѣкоей «демократизаціи» социальной католической доктрины или, точнѣе выражаясь, о ея попыткѣ «интегрировать» традицію французскаго демократическаго гуманизма, даже когда послѣдній протекалъ внѣ церковной жизни и велъ съ ней долготѣнную политическую тяжбу. Но эта интеграція не значитъ полное пріятіе конструкціи такъ называемой **формальной демократіи**, а лишь стремленіе выдѣлить изъ нея всѣ тѣ подлинныя цѣнности, которыя она сумѣла сохранить и которыя совпадаютъ съ христіанскимъ социальнымъ міросозерцаніемъ.

Подлинная демократія, пишетъ далѣе Маритэнъ, основана не на «отвлеченной», «безличной» свободѣ, а на «свободахъ»; на «свободахъ конкретныхъ и положительныхъ». И такая демократія, не должна быть управляема только **одной** категоріей гражданъ (плутократіей или политиками), считающей другія категоріи несовершеннолѣтними». Необходимо созданіе новой, разнообразной и равноправной **«трудоваго аристократіи»**.

**
*

Католическая религіозная мысль не со вчерашняго дня ищетъ **новыхъ** христіанизированныхъ демократическихъ путей, то, что Жакъ Маритэнъ называетъ демократіей **тео-центрической** въ противоположность демократіи **антропо-центрической**: новая демократія, писалъ Маритэнъ еще въ 1936 году въ своемъ «Интегральномъ гуманизмѣ»*), не соотвѣтствуетъ «ни псевдо-либеральной концепціи нашихъ дней, ни сакральному идеалу средневѣковья».

*) Это выраженіе принадлежитъ извѣстному французскому критику Alain.

**) Jacques Maritain: «L'Humanisme Intégral», éd. Fernand Aubier.

О демократіи въ ея новомъ, христіанизированномъ, преобразенномъ аспектѣ очень интересно пишутъ молодые католическіе профессора Этьенъ Борнъ и Жанъ Лакруа въ недавно вышедшемъ сборникѣ: «*Options sur Demain*» *). Борнъ признаетъ положительный принципъ демократіи въ томъ, что она замѣнила первобытное анархическое общество, основанное «на силѣ и хитрости», обществомъ разумнымъ, основаннымъ на «договорныхъ отношеніяхъ», свободно обсуждаемыхъ и свободно заключенныхъ». Съ этой точки зрѣнія Руссо не ошибался, онъ выразилъ «геніальную мысль, что договоръ превращаетъ чело-вѣческое стадо, объединенное инстинктомъ, въ общество людей, объединенное разумомъ». Но Руссо не довелъ своей мысли до конца и его социальный договоръ, не принявшій во внима-ніе требованій подлинной духовной свободы, создалъ не равно-правное общество, а общество живущее все еще подъ знакомъ насилія --- въ которомъ большинство замѣнило единоличнаго тирана и государство остается всесильнымъ надъ чело-вѣкомъ.

Демократія руссоистскаго типа, со временемъ вылившаяся въ такъ называемую формальную демократію, есть не что иное, какъ демократія безъ Бога. Она также является демократіей безъ социальной правды, она слишкомъ тѣсно связана съ экономическимъ либерализмомъ: «свобода либерализма, это, пишетъ Борнъ, свобода безъ договора, законъ джунглей... Мы знаемъ, гдѣ спасеніе: въ первоначальномъ договорѣ, который объеди-няетъ рабочихъ внутри единой синдикальной ассоціаціи».

Борнъ особенно подчеркиваетъ, что для того, чтобы имѣть возможность жить и побѣждать, демократія должна быть **«за-ново продумана»**, «*repensée*», она должна быть **заново раскрѣ-пощена** при помощи социальной акціи, и это раскрѣпощеніе рас-полагаетъ двумя мощными орудіями; это — **свободный синди-кализмъ и коллективный договоръ**.

Въ то же время авторъ относится съ явнымъ недо-вѣріемъ и опаской къ корпоративному строю, этой панацее реакціо-ныхъ круговъ.

«По мѣрѣ того, пишетъ Борнъ, какъ иностранные опыты подтверждаютъ наши справедливыя опасенія **а пріори**, корпора-тизмъ, въ которомъ матеріальная тяжесть душитъ свободный и гибкій духъ договора, дѣлается чѣмъ то весьма отдаленнымъ отъ правильнаго, демократическаго, французскаго разрѣшенія проб-лемы. Можно даже спросить себя не родственно ли корпоратив-ное извращеніе — извращенію марксистскому?»

*) Bloud et Gay: Collection «La Nouvelle Journée». 1939.

Объ извращеніяхъ корпоратизма пишетъ въ томъ же сборникѣ и Маркъ Шереръ, дѣятель католическаго движенія молодежи. Послѣ горькаго фашистскаго опыта слово «корпоратизмъ» является весьма сомнительнымъ и полнымъ соблазна: «если корпоратизмъ, пишетъ Шереръ, долженъ служить косвеннымъ средствомъ для спасенія капитализма, находящагося подъ угрозой, и для привлеченія рабочаго класса къ этому дѣлу невозможнаго спасенія, то мы — **противъ** корпоратизма. Ибо такой корпоратизмъ не что иное, какъ «тайная форма государственнаго коммунизма и вѣрный способъ удушенія рабочаго класса». Нельзя смѣшивать, утверждаетъ Шереръ, этотъ огосударствленный синдикализмъ съ подлинной профессиональной организацией; послѣдняя основана (и тутъ Шереръ повторяетъ буквально слова Борна) на свободномъ синдикализмѣ и на коллективныхъ договорахъ, а также на участіи рабочихъ въ управленіи предприятий.

О вопросахъ демократіи пишетъ и Жанъ Лакруа въ вышеуказанномъ сборникѣ. Онъ возстаетъ и противъ индивидуализма формальной демократіи, и противъ тоталитарнаго режима, ибо и въ томъ и въ другомъ порядкѣ человекъ **изолированъ**, одинокъ, лишенъ подлиннаго общенія съ другими людьми. Современныя псевдо-демократіи руссоистскаго типа основаны на **безличномъ** большинствѣ, онѣ суть **арифмократіи**. Противъ этого безличнаго, лишеннаго живого тѣла, общества возстаютъ нынѣ цѣлые народы. Коммунисты и національ-соціалисты правильно чувствуютъ острую тягу къ общенію, которому они придаютъ форму «товарищества», «соратничества»; это — мифъ коммунистической революціонной ячейки и гитлеровскихъ ударныхъ отрядовъ. Но мифъ остается мифомъ, товарищество не можетъ замѣнить подлиннаго братства, тѣмъ болѣе, если живетъ подъ тяжкимъ игомъ единой партіи; оно создаетъ лишь внѣшнія узы, но не скрѣпляетъ души людей. Цѣль новой демократіи — это создать подлинное **братство**, скрѣпить людей духовными узами, основать живую человѣческую общину.

Для Лакруа эта община должна вдохновляться идеей **персонализма**, персоналистической демократіи, которую онъ противопоставляетъ нынѣшней плуто-демократіи, финансовому феодализму. Персонализмъ, для котораго основной принципъ человѣческаго общества заключается въ цѣнностяхъ каждой человѣческой личности и свободы cadaго, долженъ раскрѣпить общество отъ злыхъ силъ экономическаго либерализма и политическаго произвола. Одни лишь персоналисты, пишетъ

онъ, могутъ предпринять критику тоталитарныхъ режимовъ **«съ чистой совѣстью»**.

Въ дѣлѣ возстановленія цѣнностей человеческой личности христіанство должно и можетъ сыграть рѣшающую роль. Конечно, дѣло не въ созданіи какого либо новаго теократическаго строя. Именно Франція преодолѣла клерикализмъ во всѣхъ его формахъ, и наврядъ ли въ ней можетъ возродиться какая-либо христіанская, католическая политика. Но, какъ въ свое время писалъ Жакъ Маритэнъ, христіане призваны участвовать въ созданіи новаго строя **не въ качествѣ политиковъ, а въ качествѣ христіанъ**. И Лакруа отмѣчаетъ въ заключеніе, что: **«Даже если тоталитарный духъ восторжествуетъ надъ всѣми трудностями, онъ столкнется съ послѣднимъ препятствіемъ, съ христіанской вѣрой»**.

**
*

Маркъ Шереръ, котораго мы уже выше цитировали, связываетъ преображеніе демократіи съ подлинной профессиональной организаціей. Онъ признаетъ, что религиозное социальное сознание, не отказываясь отъ необходимости глубокихъ структурныхъ реформъ трудового общества, проявляетъ крайнюю робкость въ реализаціи этихъ реформъ. Онъ объясняетъ эту робкость и нерѣшительность тѣмъ **«моральнымъ отвращеніемъ»**, которое внушаетъ марксизмъ социальнымъ реформаторамъ религиознаго типа. Послѣдніе нерѣдко боятся, что ополчившись противъ существующихъ экономическихъ формъ, они попадутъ **«въ адъ марксистскаго матеріализма»**. Однако, тутъ происходитъ явное смѣшеніе. Маркъсъ предпринялъ научно правильное **соціологическое описаніе** капитализма, и можно даже добавить, что до сихъ поръ никто, кромѣ Маркса, не приступалъ къ этому описанію. Его наблюденія остаются вѣрными и во многихъ случаяхъ неоспоримыми. Зато можно и должно оспаривать его философское объясненіе описываемыхъ имъ процессовъ. Можно и должно замѣнить его лозунги другими лозунгами.

Главнымъ орудіемъ воинствующаго марксизма является идея о неизбежности борьбы классовъ. Шереръ противопоставляетъ этому принципу — идею возможности и необходимости **замиренія** классовъ. Онъ не вѣритъ въ **фатумъ** классовой борьбы. Нужны, однако, не сомнительнаго качества палліативы, а добросовѣстное изученіе социальной структуры данной страны и созданіе справедливаго **классоваго статута**.

Идея торжествующаго надъ всѣми другими классами пролетаріата такъ же ложна, какъ идея **правлящаго** капиталистическаго класса. Въ новомъ обществѣ нѣтъ, выражаясь словами

Маритэна, ни «совершеннолѣтнихъ», ни «несовершеннолѣтнихъ», а есть лишь равноправные служители **общему дѣлу**. Гегемонія финансовой буржуазіи душисть человѣческую личность ровно столько же, сколько гегемонія тоталитарныхъ идиологовъ.

**
*

Проблема классовъ въ современномъ мірѣ и въ частности во Франціи, весьма подробно и разносторонне обсуждалась на съѣздѣ такъ называемой «*Semaine Sociale Catholique*», собравшемся въ іюлѣ мѣсяцѣ въ Бордо.

Въ пространномъ докладѣ, Эженъ Дютуа, предсѣдатель съѣзда, изложилъ и проанализировалъ современную классовую структуру общества. Его установка очень близка къ установкѣ Шерера и сводится къ признанію этой классовой структуры, какъ существующаго соціологическаго факта, но не какъ явленія фатально ведущаго къ братоубійственной войнѣ.

«Авторъ «Коммунистическаго Манифеста» и «Капитала», говорилъ Дютуа, начерталъ картину міровой исторіи и освѣтилъ при ея помощи общество своего времени. Его діалектика стремится показать, что все, что случилось послѣ индустриальной революціи, есть лишь продленіе этой вѣковой драмы (т. е. борьбы классовъ. **Е. И.**). Такимъ образомъ онъ внѣдрилъ въ большое количество человѣческихъ сознаний то, что можно назвать динамической идеей (*une idée-force*)... Факты значительно помогли пропагандѣ марксизма: мы говоримъ о существованіи пролетаріата, который находился подъ игомъ безнадежнаго засилья, выполнялъ безконечный трудъ, получалъ заработную плату безъ гарантій и жилъ, какъ въ вооруженномъ лагерѣ среди стабилизированнаго общества».

Итакъ, добавляетъ докладчикъ, марксистская динамическая схема насыщена идеей, что пролетаріатъ призванъ въ концѣ концовъ побѣдить это «слишкомъ благополучное общество и долженъ быть мобилизованъ въ цѣляхъ этой побѣды. **Духъ беспощадной борьбы** глубоко проникъ въ сознание классовыхъ вождей, не только вождей пролетарскихъ, но и вождей буржуазныхъ, не только въ сознание марксистское, но и **антимарксистское**. Можно сказать, что все нынѣшнее поколѣніе соціологовъ, будь они даже весьма далеки отъ марксизма, глубоко впитало въ себя принципъ фатальности, трагической неизбѣжности классовой войны и, въ связи съ ней обреченности современнаго общества.

Однако, отмѣчаетъ Дютуа, «признать неизбежность, фатальность классовой борьбы, это значить для человѣка, для гражданина и для христіанина отказаться отъ всякой личной отвѣтственности передъ лицомъ соціального зла».

Докладчикъ подчеркиваетъ, что идея борьбы классовъ уже потому научно неправильна, что предполагаетъ существованіе лишь **двухъ** вооруженныхъ другъ противъ друга классовъ — пролетаріата и капиталистовъ; тогда какъ въ дѣйствительности, въ наше время существуетъ гораздо болѣе сложная и разнообразная классовая разслойка: пролетаріатъ, капиталисты, крестьянство, средніе классы, къ которымъ, поскольку дѣло касается Франціи, необходимо прибавить особое своеобразное и богато одаренное сословіе **артизановъ**.

Всѣ эти классы обладаютъ личными характерными чертами и живутъ своей обособленной, духовно и профессионально автономной жизнью. Но въ то же время они участвуютъ въ **общей** жизни страны, являются органами общаго національнаго тѣла и тѣмъ самымъ вовсе не обречены на братоубійственную распрю, а на братское сотрудничество. Каждый классъ выполняетъ свою функцію при данныхъ экономическихъ и политическихъ условіяхъ и при существованіи извѣстныхъ гарантій, т. е. **при справедливой профессиональной организаціи**.

Въ каждомъ классѣ образуется элита, защищающая его спеціальные интересы и воплощающая его духъ, бытовой складъ, традиціи и трудовые навыки. Классъ — это въ то же время **среда**, нѣкое бытовое и духовное **цѣлое**. Приверженность рабочаго къ классу, это приверженность къ нѣкоего рода большой профессиональной семьѣ, и эту приверженность нужно не искоренять, деклассируя рабочаго, а наоборотъ, воспитывать, преобразая, **христіанизируя** классовое сознаніе, переключая его съ вооруженной борьбы на мирное строительство.

Но классъ не есть замкнутая каста, укрѣпленный лагерь, какимъ представлялъ его себѣ Марксъ. Классы — и это особенно наблюдается во Франціи — остаются открытыми; человѣкъ можетъ переходить изъ одного класса въ другой, и всѣ классы призваны, каждый со своей опредѣленной функціей, служить общимъ гражданскимъ и національнымъ интересамъ.

Наконецъ, существуетъ такъ называемая **внѣ-классовая элита**: ученые, судьи, художники, профессора и духовенство, назначеніе которыхъ обслуживать одновременно **всѣ классы**.

**
*

Мы привели главные пункты доклада Дютуа, т. к. онъ не только совпадаетъ съ конечными заключеніями съѣзда, но и съ

общимъ духомъ нынѣшней соціальной католической дѣятельности во Франціи. Какъ мы указали въ началѣ статьи, эта дѣятельность все болѣе демократизируется, можно сказать пролетаризируется, проникаетъ въ глубь народа, не видя въ немъ соціологическую абстракцію, а живое тѣло, одаренное духомъ.

Ибо, какъ пишетъ Маритэнъ, «духовная реинтеграція рабочихъ массъ въ церковь Христову» является «первѣйшимъ условіемъ спасенія цивилизаціи». А для того, чтобы достигнуть этой реинтеграціи, «нужно идти въ эти массы не съ угрозой и насилиемъ, но съ любовью, я говорю съ любовью, которая сильнѣе смерти... Для того, чтобы народъ жилъ съ Христомъ, христіане должны жить съ народомъ»^{*)}).

Елена Извольская.

^{*)} Jacques Maritain: «Questions de Conscience», Desclée de Brouwer 1938.